

A young boy with brown hair, wearing a light-colored t-shirt and dark shorts, stands with his back to the camera in a shallow pond. The pond is surrounded by lush greenery, including tall reeds and lily pads. The water is calm, reflecting the surrounding forest and the boy. The scene is set in a dense forest with tall trees and dappled sunlight filtering through the canopy. The overall mood is serene and mysterious.

Екатерина Воронова

Русалочий плес

Екатерина Воронова

Русалочий плес

«Автор»

2026

Воронова Е.

Русалочий плес / Е. Воронова — «Автор», 2026

Тьма и древнее проклятие вплотную окружило небольшую лесную деревеньку. Молодой парнишка по имени Яр, оставшийся единственной опорой и защитой для матери и сестры, пытается выяснить откуда исходит угроза. Правда ли во всех их несчастьях виновата обитающая в озере русалка? Что скрывают древние сказания - ответы на вопросы, спасение или гибель? Стоит ли беспокоить темные воды, если не готов узнать их жуткие тайны?

© Воронова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Воронова

Русалочий плес

Глава 1

В нашем озере жила русалка. Это знали жители деревни испокон веков. Там не рыбачили и не купались. Что и говорить – стоило водной глади проблеснуть среди деревьев – местные уносили ноги в обратном направлении.

Мы с сестрой Анькой, разинув рты, как обычно слушали рассказы старого Михалыча о черной, гнилой воде озера, где обитает нечисть. О том, что озеро затягивает и губит заблудившихся путников в своих глубинах, а потом они становятся утопцами или чертями.

Мне больше всего нравились истории о огромных сомах, которые целиком проглатывали скот и людей, рискнувших подойти слишком близко к воде в знойный день. А Анька пищала и требовала рассказать о русалке.

- Дед Миша!! О русалке! Расскажи о Марильке!!

Полдень. Жара, зной. Старая нагретая на солнце завалинка.

- Кыш, мелочь. – отмахивался старик, от верещащей девчонки, набивая табак в трубку.

- Про Марильку... - жалобно просила Анька, усаживаясь рядом со стариком.

Я молчал, ожидая что если старый дед разговорится, поддавшись на уговоры моей сестры, то и про сомов и утопцев расскажет.

- Кхе... Далась она тебе, тьфу нечисть проклятая!

- Она красивая же?

Дед сплюнул в траву:

- Слушать будешь? То молчи! Красивая... Мало кто видел ее и остался жив, а те, кто болтают будто видели – брешут, что мой пес каждое утро.

Деревня стояла на окраине леса и от нее до озера пешим ходом было чуть больше часа, но в том направлении даже охотники не ходили. Зверье там не обитало, обходя «дурные» место стороной.

Дед кивнул в сторону верхушек деревьев на домах:

- Близко стал подбираться... Мало корма ему. Вы к окраинам деревни не ходите одни. Ни днем, ни вечером тем более.

- А днем-то почему? – спросил я.

Михалыч сощурился:

- Поживешь с мое – узнаешь. В жару полуденницы шуткуют. Утащат и с концами.

Полуденницы тоже была излюбленной темой Аньки, но сейчас она очень хотела послушать про Марильку.

- О чем это я-то... Хм... Мой дед сказывал, что очень давно, когда леса еще не было, озеро было чистым как слеза. И жили люди нашего селенья возле него. Жили в ладу со всеми домовыми, полевиками и грибовиками и прочей не опасной нечистью. Добрый был народ, дружный. Девушки в селении были одна краше другой. Веселые, здоровые хохотушки. Закружат в танце, обвешают венками из цветов и разбегаются, стоит лишь попытаться кого-то ухватить за сочные бока... Работали много. Скот разводили. Рыбачили. Рыбы много было, раков, ракушек, но больше, чем надо и не брали. И жила тогда девушка...

- Марилька!...

- Кто знает уж как ее звали. – вздохнул дед. – Может и Марилька. Скромная была. Глаза бездонные. Грустная всегда ходила. Подруг у нее не было – девушки сторонились ее, но без причины. Добрая она была. То ежика принесет раненого – излечит. То птичку какую на

крыло поставит. Тянулась к ней живность, что говорить... Потом, говорят, забрел в селенье заблудший путник. Он был чужих краев. Говорил не по-нашенски сначала. Потом прижился. Научился. Ну и глядят местные, а сдружились они с Марилькой. За ручку ходят.

Вот эта часть меня всегда вгоняла в сон, а Аньку, наоборот, жуть как интересовала:

- И целовались? – с замиранием спросила она.

- Наверное и целовались. – ткнул ей дед в курносый нос. – Ты мелкая еще про такое спрашивать.

Та насупилась:

- Ничего не мелкая. Мне шесть лет уже!

- Ах, шесть! То конечно! – смеялся Михалыч.

- Дальше-то, что было?

- Ох утомила ты меня уже, ну слушай. Кончилась их любовь в один день. Почему, кто знает. Кто говорит, что он на родину собрался и не хотел забирать ее с собой. Кто – что влюбился он в другую. Разные версии были. Но все к одному – расстались они на берегу того озера. Вечер был. Плакала она, стояла на коленях, но он все равно ушел. Вот с горя и сиганула в воду.

Анька ахнула, прижав ладошки к лицу. Актриса. Сто раз слышала эту историю.

Издали донесся знакомый зов.

- Мамка зовет обедать. – сказал я. – Идем, Аньк.

- Дед, Миш, не забудь, где остановился, вечером придем, да, Яр?

- Придем, придем.

- Эх, молоко скисло! – вздохнула мать, заглядывая в банку, вынутую из подпола. – Снова домовый шуткует...

- Дед Михалыч говорит, что его надо угостить. – важно заявила Анька, болтая ногами. – Иначе будет пакостить. Сахар дать или мед.

- Вот еще! Самим бы сахару хватило! Яр, ты поел? Сходи к Ольге, у нее утреннее молоко оставалось. Я кашу хотела сварить к отцову приходу.

Я кивнул.

Мать выплеснула молоко в помои, которые потом шли на корм свиньям, быстро ополоснула крынку под рукомойником, и насухо вытерев тряпкой, сунула мне.

Деревня была пуста. Зной загонял всех жителей в дома до самого вечера. Неутомимо пели цикады, наполняя округу звенящим трелем. Яркий пьянящий аромат травы и цветов кружил голову. Расплавленный воздух создавал миражи волн над лугами.

Я поспешил к дому. Хотелось поскорее нырнуть в прохладу сеней.

- Теть Оль!! Это Ярик! – открыв дверь прокричал я. – Меня мама за молоком послала.

Никто не отозвался.

Может в сарае? Хотя что там делать – их козы и корова с утра выгонялись пастишь в стадо. Я задумчиво поплелся вдоль огорода к плетеному забору. Не принесу молока – маман и без ужина оставить может.

Стоило подумать про молоко – сразу стала мучить нестерпимая жажда. Рубаха липла к телу.

С этой стороны деревни лес отступал, и густой луг с разнотравьем тянулся от самого забора и уходил за холмы. Ни коз, ни тети Оли.

Я только собрался было вернуться, как что-то едва уловимое привлекло мое внимание. Я поставил ногу на перекладину забора и привстал выше. Сощурился.

В волнах горячего воздуха над травой за оградой мелькал силуэт девушки, то появляясь, то исчезая среди цветов. А затем точно заметя меня, призрачная фигура девушки, в неестественном танце двинулась в мою сторону. Нестерпимо приторно пахло цветами, пьянящий аромат дурманил голову.

Я заметил поодаль еще двух.

Нужно было бежать, но я словно парализованный продолжал стоять у забора, вцепившись пальцами в перекладину, не в силах пошевелиться.

А потом я услышал их зов. Стонущий. Убаюкивающий. Увидел их пустые темные глазницы, обращенные на меня, и не владея собой, подался вперед.

- Яр!

Кто-то резко и сильно дернул меня за рубаху, стаскивая с забора.

Машка, дочка Ольги, прижала палец к губам, и заставила вжаться в подножье высокой крапивы. Оцепенение медленно проходило, но зов я слышал также явственно.

- Ты что сбрендил?! – прошипела она.

- Полуденницы... Ты их видела?

- Ползем к дому. Голову не поднимаем.

За сараем перевели дух. Машка опасливо выглянула из-за угла:

- Ух, проклятые. Все танцуют на лугу. Всегда так в жару-то...

Я все никак не мог поверить в случившиеся. Хоть про Дев Полей я слышал не единожды, но видел впервые.

- Ты чего тут делаешь?

- За молоком мамка послала. – проблеял я.

- А в огороде что надыть было?

- Вас искал.

Машка строго смотрела на меня как на провинившегося щенка, хотя была младше меня на год и ниже на голову:

- Ну и дурень! Они же тебя чуть не утянули. Идем, налью. Мама к бабке пошла проведать, хвора та совсем стала. Никак помирать собралась.

Я зашел за ней в дом.

Откинув крышку в подпол и держа в одной руке банку, девчонка ловко спустилась по лестнице вниз. Послышался звук переливаемой жидкости.

- Вы же вчера брали, съели уже чтоль?

- Скисло.

- Домовому сахар положить пробовали?

Я вздохнул:

- Мало сахару осталось.

- Варенья остатки можно оставить.

- Это не мое дело, - отмахнулся я, принимая от нее банку. – Этим мамка занимается.

Машка вылезла из подпола, отряхнула с одежды и волос паутину и деловито проговорила:

- Их там трое всего. Полуденниц. Но чаще одна гуляет. Почти каждый день выходят в этом месяце.

- И ты не боишься?

- Чего их бояться-то? Им главное на глаза не попасться.

Темные впалые глазницы все еще стояли у меня перед глазами:

- Михалыч говорил они людьми были...

- Сестры. – кивнула Машка. – Одну из них хотели выдать замуж за нелюбимого и тогда все трое ушли в лес и сгинули там. Теперь их души и тела не упокоены. Тела давно сгнили, а души страдают. Так Михалыч говорит...

- Ага.

Мы замолчали.

- Представь, Яр, ты тоже таким стариком будешь детям байки эти рассказывать. – вдруг засмеялась Машка.

- Скорее Анька, когда старухой станет. – отмахнулся я. - Пойду, а то мамка по шее даст, что задержался.

- В баню завтра придете?

- Да собирались.

- Хорошо. Мы квас поставили. Как раз подойдет.

Отец вернулся с охоты к вечеру. Он устало скинул сапоги, с плеча снял ружье и повесил на крючок у входа. Отбросил рюкзак в угол. На немой взгляд жены хмуро ответил:

- Пустой я. Нет дичи в округе. Дальше уходить надо.

Мать молча стала накрывать на стол. Смахнув со скатерти крошки, оставшиеся после нашего ужина, она поставила перед отцом чашку с отварной курицей, картофель в мундире, маринованные грибы с маслом и луком, творог, квашеную капусту и большую кружку травяного чая.

Мы с Анькой сидели на печи как мыши, ожидая услышать привычные отцовские рассказы о лесе, прошедшей охоте и следах невиданных зверей. Обычно отец описывал какие ловушки и силки ставил на зайцев, куниц и волков, как выслеживал лосей и оленей, уходя на несколько километров по их тропам. Однако сегодня он был немногословен:

- Даже медведя нет... Ушел со своих болот. Сначала медведица с медвежонком пропали, теперь он. Нет пищи. Нет дичи. Лес на лес не похож. Деревья корявятся, словно сжимает их кто-то, трава жухнет на глазах.

- А с виду такой же. – вставила мать.

- С виду может быть, но нам-то охотникам все изменения видны. Все от озера идет, от проклятой воды той... Никто из наших с добычей не вернулся. Чем семьи кормить будем? Завтра дальше уйдем, за плес пойдем.

- Не ходили никогда так-далече-то.

- А что делать? Зима на пороге, а ни сала в горшках ни припасено, ни мяса, ни шкур про запас. На что зимовать будем?

Мы с Анькой переглянулись. Такие слова от отца мы слышали впервые.

- Нечего на печи взрослые разговоры слушать. – вспомнила вдруг о нас маман. – Марш, на улицу оба! Ишь, развесили уши! Сейчас мигом, а то найду занятие!

Дабы не быть привлечёнными к хозяйственным делам, мы слетели с печи и выскочили из дома. Анька, звонко визжа, помчалась напрямик к дому деда Михалыча.

- Вот неугомонная, - проворчал я, плетясь следом.

Жара спадала, однако мошкара все еще вилась клубами над головой, то и дело норовя залезть в глаза и нос. Старый, седой дед в валенках как обычно сидел на завалинке, пуская клубы дыма в морду своему псу.

- Ну псина старая, что смотришь? – ворчал он. – Хлеб кинул горбушку – не ест, видите ли, зубов нет. А у кого они есть?

- Деда! – крикнула Анька, залетая во двор. – Мы пришли!!

- Вот хорошо, двор подмети девка...

- Вот еще! – та запрыгнула на завалинку. – Яр пусть метет, ему все равно не интересно про Марильку.

Дед посмотрел на меня из-под густых бровей:

- Отец тоже без добычи пришел?

- Угу, - кивнул я, подходя. – Дичь ушла, говорит.

- Зря за плес собрались, сгинут там. – прошамкал старик, выкидывая окурок и носком сапога туша его. – Нехорошие места, гнилые. Топи. Чащи непролазные...

- Про Марильку!! – завопила ему в ухо Анька.

- Будет тебе про Марильку, - сдался дед. - Не верещи только!

- А я полуденник видел днем. – вспомнил я.

У сестры отвисла челюсть:

- Брешешь? Где?!

- За домом тети Оли. Машка подтвердит.

- Ишь окаянные.

- И я хочу увидеть! И я!!

- Молчи девка! Накличешь беду! Лучше слушай про Марильку свою.

Анька утихла. Я сел на траву, рядом тяжело дыша открытой пастью, улегся пес, лениво помахивая хвостом. Появилось назойливое комарье.

- На чем это мы остановились, а?

- Утопла он. – подсказал я.

- Вспомнил. Погоревали в деревне недолго, да и забыли. Лишь парень этот не мог найти себе места. Винил себя. Дни и ночи у озера просиживал, вымаливал прощение. Потом и вовсе пропал. Ну думали - ушел из наших мест, али гинул совсем. Ан, нет! Через три дня пришел. Бросался к каждому дому, стучал. Пугал народ. Глаза безумные. Все бредил. Кричал, что Марилька жива. Что всплывает по ночам и смотрит на него из-под воды. Злобно. По-чужому. Сжалился над ним церковник, приютит у храма в приходе. Парень за ум вроде взялся, рукастый оказался, по хозяйству помогать начал. То дров нарубит, то крышу подлатает. Крест носит. Молится усердно. Успокоился будто. Только стали замечать, что сапоги его все в тине каждое утро. И спит, не добудисься. Признался он церковнику, что ходит каждую ночь на озеро. Но про Марильку не говаривал больше. Запретил ему церковник дело это. Негоже сказал беречь утопленницу. Тем более самоубиенная. Много молиться надо. Неупокоенные душа и тело.

- Как полуденницы. – вставил я.

Анька завистливо фыркнула.

Продолжил старый дед:

- В это время все дурное и началось. Рыбаки шушукаться стали что с озером не то, что-то. По берегам дохлая рыба всплывать начала. Да ладно б замор или что. Будто ест ее кто и бросает. То без головы, то без хвоста. И следы зубов - человеческие будто. Потом больше. Разом исчезли все цапли, птицы вокруг петь перестали. Живность ушла с озера. Тихое стало, ни плеска, ни журчания. И вода темная стала, густая будто масло. Бросили рыбаки на лодках ходить, бояться чего-то стали. Никогда озеро таким не было. Но самое жуткое место было за плесом. Там озеро сужалось и образовывало мелкие заводи, густо обросшие ивняком и рогозом. Вот там говорили и завелась нечисть.

Тут у меня мурашки побежали по рукам и ногам, а рот у Аньки открылся еще шире. Дед, казалось, задремал.

- Дальше, дед Миш! Дальше давай. – толкнула его сестра.

- Вечор уж. Спать девка не будешь! Снова от мамки твоей нагоняй получу ведь. Ладно, немного еще осталось, слушайте. Бросили рыбаки свои неводы и сети, лодки на берегах все разошедшие стояли. Страх пробрал жителей деревни. Не понимали они, что произошло и никак с Марилькой не связывали. Но тут тот парень вдруг снова заговорил. Сказал все дело в проклятой утопленнице. Ну и мужики, что делать, решили тело найдем ее, похороним по-божески, авось станет вода прежней. Вышли с сетями и бреднями ранним утром, прихватив багры и крюки. Берега обошли, под все коряги заглянули, дно обшарили, да только сомов с человеческий рост подняли с омутов. Закинули сети надеясь, что ее тело занесет в них. Утром все они оказались пусты и порваны. Что за существо, что за зверь или рыба могла порвать льняные нити? Еще пуще взволновался народ. Что и говорить – озеро было огромным, дальний берег в ясные-то дни был почти не виден. Оставили они поиски, махнув рукой – давно утопленницу рыбы съели.

Нашарив в кармане кисет, старик снова закурил, теперь начав пускать кольца в меня.

- Не куришь еще, малец?

- Нет. – насупился я. – И не буду!

Пес, уже уснувший было на моих ногах, чихнул, фыркнул, замотав головой, и с укором посмотрел на хозяина.

- Ну и правильно, а то зубов не будет, - и дед широко улыбнулся одними деснами.

- Еще два есть. – заглянув ему в рот заметила Анька.

- Да? Еще два? Это хорошо! – рассмеялся Михалыч.

- Дальше-то что? – нетерпеливо спросил я, видя, как солнце закатывается за верхушки деревьев. Совсем скоро будет смеркаться. А в темноте ходить было небезопасно.

- Ну да слушайте тогда дальше. Повалился кто-то по ночам курей и цыплят таскать из домов, что ближе всего к воде стояли. Даже собаки хозяйские не помогали – они были так напуганы, что и носа из конуры не высовывали. А к берегу и прямо в воду вели странные следы. Будто что-то выползло, залезло в сарай, словило куря и вернулось обратно. Никак гад ползучий какой-то завелся. Народ приободрился. Наставили капканов и силков, да бестолку. Гад как лазил, так и продолжал, обходя все ловушки и открывая двери. Потом собак таскать начал. Решили устраивать засады. Но в эти дни гад, как знал, затаивался и не выходил на охоту.

-Какой гад? – спросила, хмурясь Анька. – Это ж Марилька?

- Угу, - подтвердил старик. – А вам домой уже пора.

Я с трудом увел сестру.

В кровати за занавеской ворочалась и бормотала Анька. Ее беспокойный сон видимо разбудил и меня.

Шепот отца и матери раздавался в тишине избы, нарушаемой едва заметным тиканьем часов. Слов я не слышал, но догадывался, о чем они вели речь. Еще никогда охотники не приходили без добычи. Как в рассказе Михалыча. Сначала пропала рыба. Неужели сейчас дошло и до леса? Столько лет спустя... Как далеко и надолго уйдут охотники? Безопасно ли это?

В подполе звякнули горшки, что-то зашуршало.

«Снова домовой или крыса». - подумал я.

А потом раздался тихий неприятный голос. Непонятная тарабарщина. Мать с отцом, прислушиваясь, замолчали.

Ну точно. Домовой.

Было слышно, как он ходит в подполе, шаркая своими маленькими ножками, и заглядывает во все кастрюли и банки.

Зря маман не послушала и сахар не положила - снова нашкодничает, подумал я и повернулся на бок, натянув одеяло по самые уши. К таким гостям мы давно привыкли и не особо обращали на них внимание. Была нечисть гораздо опаснее и неприятнее, но та, к счастью, обитала за пределами деревни.

Но если рассказы Михалыча не выдумка, то проклятие утопленницы отравило озеро, а теперь добралось и до леса. Нужно будет завтра с ним об этом поговорить.

Домового больше было не слышать. На чердаке шуршали мыши. Тикали часы. Мать с отцом тоже видимо уснули. Через пару часов, соревнуясь кто громче, начнут петь петухи во дворах.

Мне не спалось. Я задремал лишь под утро, когда солнце уже поднялось, рассеивая мрак слабыми рассветными лучами. Снились пустые глазницы полуденниц на иссохших лицах, высматривающие своих жертв. И русалка, лежащая на свисающей над водой ветви ивы, чье жуткое заунывное пение разносилось над мертвой водой.

Утром отец занимался тем, что чистил ружье и готовил снасти к охоте.

Я любил наблюдать за этим с детства. Когда еще был жив дед, и они оба ловко работая руками, плели сети, делали силки и удавки. Помню теплые, шершавые ладони деда с узловатыми венами, изредка трепавшие волосы на моей голове.

- Учись, Яр. Смотри, вырастешь охотником станешь. Нам подсоблять будешь.

Сегодня было заметно, что отец не в духе:

- Делов чтоль нет, как околь меня шаровары просиживать?

- Возьми меня на охоту, бать! – собравшись духом, выпалил я.

- Ишь, выдумал, шо...

Солнце припекало с утра. На небе не было ни облачка.

- Я помогать буду. Рюкзак, снасти носить. Мне пора уже...

Отец серьезно посмотрел на меня:

- Пора-то пора, да в нехорошие места мы собираемся. Уйдем вместе на кого мать с сестрой оставим? Ну что нос повесил? Поддай крючки с полки.

Он перебирал силки, где нужно чинил на ходу, ловко связывая петли и узлы. Я терпеливо ждал, стараясь запоминать каждое его движение.

- Капканы нужно почистить и смазать будет. Подсобишь?

Я радостно кивнул.

- Издох наш Мухтор в то лето, - продолжил отец, не отвлекаясь от своего занятия. - Сейчас бы от собаки большая помощь была. Коль не придем до октября, возьми у соседа щенка, как подрастет - должен быть толк. Только не раскормите – охотиться не будет.

Едва не завопив от радости, я сразу прикинул что надо б начать делать конуру - старая сгнила и была пущена на дрова. Мухтор жил у нас сколько я себя помнил, и маленьких щенков у нас никогда не было.

Представляю, как обрадуется Анька щенку.

Мы провозились до вечера - я шурил капканы от ржи и грязи, тщательно смазывал их маслом, а отец тем временем заготавливал приманки – небольшие уже слегка пахнущие кусочки разных частей мелких птиц. Слишком испорченные выбрасывал, что посвежее – складывал в кожаный мешок и плотно завязывал.

Капканы с такой приманкой ставились на куниц и горностая. На зайца, волка и росомуху ставились удавки и капканы большего размера. Лося и медведя загоняли собаками.

В дальние походы охотники уходили, если вдруг охотничьи угодья становились неурожайными, и в этом не было ничего нового. Устраивали временную стоянку, где подготавливали добытые шкуры и мясо к зиме всеми возможными способами – солили, коптили и сушили под открытым небом. Жир вытапливали и заливали в горшки, которые потом плотно заливались воском – так жир хранился и не становился горьким пару лет.

Обо всем этом я слышал от деда и всегда представлял, как однажды присоединюсь к нему и отцу в охоте. Но дед умер три года назад, подхватив зимой сильную чахотку и отец с тех пор охотился один.

- Когда пойдете?

- На днях – тянуть не будем, до снега мало времени совсем. А дичь еще найти надо.

До бани еще было время, и Анька снова потащила меня к Михалычу.

- Как выглядит? – переспросил он, задумчиво теребя скудную бородавку. – Откуда знамо? Никто ж ее не видывал.

Анька сразу сникла:

- Никто-никто??

Я зевал.

- Описывали ее как же! Но кто ж знает, где правда–то в них? Болтовня не иначе, так как русалку кто увидит - в живых не бывать. Утянет на дно и выпьет всю кровь до остатка!

Анька взвизгнула.

- Дед, Миш, а то что дичь пропала может быть из-за озера? - задал я мучающий меня вопрос.

- Умные вопросы решил задавать, малец?

- Я не малец! Мне шестнадцатый год идет!

- А отец что говорит?

- Ничего, - насупился я. - И с собой не берет.

- А вот это хорошо. - прошамкал старик. - Гинешь раньше времени.

Анька вытаращила глаза:

- Зачем так говоришь? Наш папа не гинет и принесет целого лосяка!

- Ишь, лосяка. Не слушают старого Михалыча – нечего за плесом искать добычу. На север идти надо от леса. Поля осваивать – зерно сеять. Смеются дурни... О чем это я сказывал? Сбил ты меня, малец. Следы, что на берегу озера народ видывал, похожи были на следы большого полоза, только рядом были следы не то рук, не то лап с когтями. Нечеловечие были. Стало ясно что выползало нечто на сушу, предпочтительно в новолуние, в самые темные ночи. И песнь... Стали слышать ее песнь, тихий вой от которого стыла кровь в жилах. И пела она лишь когда сыта была, говаривали. Когда охотилась – тихо подплывала к лодкам или прикорнувшим рыбакам на берегу. Тихий плеск – и нет человека – поминай как звали! Паренек тот места себе не находил. Снова и снова у озера бродил, разговаривал как будто сам с собой.

- А может ей грустно было, - спросила Анька, шмыгнув носом. - Вот и пела?

Михалыч пожал плечами:

- Неплохо, малявка, я запомню твое предположение.

- На собак и курей же охотилась. - заметил я. - Перескочил ты.

- Все я правильно сказываю, не мешай. Люди совсем скоро пропадать начали, сначала по ночам, то пьяница какой заплутает, то охотник не вернется из леса. Дальше больше. Тонуть стали. И стар и млад. Больше к озеру никто не приближался. Жители чьи дома близко к воде стояли – стали разбирать избы и дальше переносить. Затихло все на время.

Дальше шла моя любимая часть.

Михалыч трагически вздохнул:

- Мразь всякая стала околь деревни шляться. Лешаки и утопцы появились откуда не знамо. Яги и шишиги встречаться в лесу стали средь бела дня, гоняя с полян тех, кто приходил собирать грибы да ягоды. Ауки завелись в верхушках деревьев, «аукают» - сбивают с пути путников, заводят в чащу лесную. Притянуло озеро к себе всю нежить, какую народ доселе не видывал и названия не знал. По ночам волколаки у окраины леса были так, что волосы дыбом вставали даже у бывалых охотников. Осерчал народ пуще прежнего. Многие тогда собрали пожитки и уехали куда глаза глядят. Те, кто остались, собрали большой совет, и многое было сказано в тот день. Кто предлагал отправиться за плес и изловить русалку, а кто посадить в лодку виновника и отправить его к середине озера. Вступился за парнишку церковник – не дам, говорит, сгубить душу невинную. Но не послушали жители его - чужак он был для них. Не пожалели – подкараулили у церкви поздно вечером, оглушили и кинули в лодку, связанного. А лодку от берега оттолкнули. Пришел парнишка в себя в темноте посреди озера, кричал - звал на помощь, пока не замолк. Вся деревня эту ночь не спала. На утро пустую лодку прибило. Гневался тогда церковник, как никогда. Божьей карой пугал, называл всех заблудшими душами, которых уже ничего не спасет. Взял он с собой двух хлопцев, что покрепче и посмелее и отправились они на поиски. Через два дня вернулся только церковник – образ Божий сжимаемая, не выпуская из рук. А на самом лица нет – глаза заведущие, безумные. Все оглядывался и молитвы читал не переставая, только так говорит и вышел. Напоили его крепкой настойкой и стали расспрашивать.

Гавкнул пес Михалыча.

- Яр! Анька! – воскликнула мама, стоя у калитки, - В баню пора! Ищу вас обоих окаянных...

Подходя к дому тетки, я непроизвольно бросил взгляд на луговину за изгородью. Море травы безмятежно колыхалось на слабом ветру.

- Они там были, да? – прошептала Анька, проследив за моим взглядом, так чтобы не услышала идущая впереди мать.

Я кивнул. В горле мгновенно пересохло. В кажущейся совершенной безобидной траве все еще скрывалась невидимая опасность. Они были там и сейчас. Я нутром чувствовал скользкий, шарящий, голодный взгляд той первой полуденницы.

Я с трудом опустил глаза, и одернул Аньку, которая тоже стала было пристально всматриваться вдаль.

- Не смотри! – шикнул я.

Та послушно стала смотреть себе под ноги:

- Яр, а Яр... А ты веришь Михалычу, что охотники зря уходят?

- Не знаю я...

- Ты же не уйдешь с ними? – всхлипнула она вдруг.

- Не уйду. – пообещал я, и чтобы порадовать сестру, тихо шепнул на ухо, - Папка разрешил собаку завести. Как подрастут соседские – пойдем выберем самого бойкого.

Та захлопала в ладоши и запрыгала.

Баню я особо не любил. Особенно привычку отца париться так, что уши начинали гореть огнем, и казалось, вот-вот отпадут. В такие моменты я выскакивал в предбанник чтобы отдышаться и остыть. Но и тут нужно было держать ухо востро. Банник обитающий здесь то и дело норовил нагнать угар или начать щипать за пятки.

Поджав ноги, я озабоченно вглядывался по углам, однако ничего необычного не заметил. Из-за двери доносились хлесткие удары веником, плеск воды, а затем громкое шипение пара, отскакивающего от раскаленных камней.

Мне оставалось только окунуться, и я не спешил. Слушать женские сплетни и болтовню Аньки с Машкой совершенно не хотелось. Меня беспокоил скорый уход отца и все мысли были только об этом.

Шипение раздалось совсем рядом.

- Старший сын отцу опора,

Помощь матери, отрада.

В ивняке за старым плесом

Тебя ждет твоя награда.

Я, холодея, медленно поднял голову. Под самой крышей среди покрытой пеплом и сажей паутины, шевелилось нечто. Сквозь седые длинные волосы сверкали два черных, как угольки, глаза.

- Кожа словно угорь-рыба –

Холодна и тиной пахнет.

Дева озера средь леса,

От тоски и горя чахнет. – проскрежетало существо и исчезло так же быстро как появилось.

Когда отец вышел, у меня зуб на зуб не попадал:

- Ты чего, Яр? Будто банника увидел! Давай живо скупывайся и пойдем в дом.

Я согнулся пополам и меня вырвало. В голове шумело. Руки не слушались, ноги совершенно не держали. Ругаясь на чем свет стоит, отец окатил меня из ушата и помог накинуть чистую рубашку. Вечерний воздух немного привел меня в чувство, но я все равно шел до избы едва передвигая ноги.

Уже в избе отец толкнул меня к матери и немного виновато произнес:

- Угорел немного.

Та всплеснула руками:

- И правда весь белый! Над думать – ты паришься так что любому поплохеет.

- Яр, иди сядь на лавку. Сейчас кваса налью. – всполошилась Ольга.

Девчонки тут же выскочили из соседней комнаты.

- Папа! – возмущенно воскликнула Анька, с укором посмотрев на отца в точности как мать. – Ты что не знаешь, что Яр не любит, когда жарко?

Я жадно припал к кружке с терпким, холодным напитком заботливо поданной Машкой. Испуг постепенно проходил.

- Ишь банник разыгрался. – охала Ольга, крутясь вокруг меня. – Мария, завтра же черную курицу слови ту старую, забей и закопай у бани.

- Ладно... – недовольно промычала Машка.

В отличие от нее Анька сразу просияла и заканючила:

- А можно я посмотрю?! Мам, можно останусь?!

- Давайте все в баню живо идем! Потом ужин!

Когда женщины ушли, в доме сразу стало тихо. В печи, попыхивая под крышкой чугунок, доходили щи. Наваристый аромат кислой капусты заполнил избу. Отец, отдыхая, лежал на кровати, а я на лавке в кухне.

Домой мы ушли поздно вечером. Аньку оставили. Она явно схитрила, после бани притворившись крепко спящей на Машкиной кровати.

В ночном небе, щедро усеянном звездами, то и дело проносились нетопыри, неприятно пища над головой. Деревня готовилась ко сну, редкие прохожие старались побыстрее добраться до своих жилищ затемно.

У соседского дома глухо ворча загавкал старый пес. В сарае устраиваясь на лучшие насесты, возились куры. За окном сквозь листья сирени светила луна, наполняя комнату мягким голубым светом.

Заснул я сегодня с тяжелой головой и ощущением, что там в бане меня коснулось что-то темное и мерзкое.

К Михалычу я хотел было сбегать с утра, а потом забрать Аньку, однако отец позвал помочь собираться. Когда я, наконец, освободился то оказалось, что дед не сидит как обычно на завалинке. Его пес лежал у двери, и не подняв головы, приветливо помахал хвостом. Значит хозяин был дома.

Открыв дверь, я окликнул его.

- Входи-входи. – отозвался Михалыч. - Чаевничаю я. Ну что на пороге топчешься? Садись за стол. Чаю будешь? Чего один? Мелкая где?

Сев напротив старика, я рассказал о вчерашнем вечере.

- Хм... Банник теперь. А ты малец часом не врешь?

Я ожидал, что он так спросит. Мне и самому уже не верилось.

- Больно надо. – буркнул я, оглядывая ветхую хату старика.

Давно я тут не был. По всей кухне были развешаны пучки разных трав, корешки и цветы, заполняя дом ароматом сенокоса. Мой взгляд цеплялся за облупившуюся местами побелку на печи полную сажу, перекосившиеся, иссохшие половицы. Стены, изъеденные термитами, давно требовали повторного конопаченья. Почему-то раньше этого не замечалось.

У Михалыча не было семьи. Только старый беззубый пес. Одиноким старик доживал свой век, развлекая местную малышню байками и прибаутками.

- Нехорошо это.

Я поежился:

- Что это значит?

- Нехорошо. - повторил старик, вставая и снимая с книжной полки потрепанную, довольно толстую книгу. Сальные, местами порванные страницы частично выпадали, отделившись от переплета. Листы, аккуратно исписанные мелким неразборчивым подчерком. Иногда попадались наброски рисунков. Аккуратно и заботливо поправив их, Михалыч принялся листать их, шуря один глаз.

Я заинтересованно перегнулся через стол.

- Гм, где-то это было помниться... Бесы. Банши... Так-с вот нашел. Банник. Дух, мелкий бес, обитающий в банях, предпочитает жить в венике или за печью, наводящий угар... Як задобрить его станет тихим и спокойным. За баней следит, от тины и плесени защищает. Лягушек и мышей изводит...

- Кто это писал?

- Бабка Марфа моя начала. Потом отец продолжил, теперь я. Считается духом пограничья, предупреждает от бед и ненастий. Тут про курицу как закапывать...

- И про русалку тут есть?

- Угу. Про всех что знамо, то и написано. Потом ты будешь добавлять.

- Я?

- Ну кто же. – прокряхтел Михалыч. - Я уже стар, вижу плохо, перо в руках держать не могу уже. И передать мне эту книгу некому.

Мне стало вдруг грустно. Я кивнул.

- Значит предупреждение это? Но почему мне? Я же не иду с охотниками за плес.

Он встал из-за стола и, скрывшись в темнушке, принялся шуршать чем-то:

- Кто знает, как повернется-то. Эх неспроста это нечисть тебя заприметила, не к добру... Вот нашел.

Травами запахло еще сильнее. Он вынес, держа на ладони, небольшой туго набитый мешочек:

- Держи. Зверобой и вербена. Найди шнурок и носи на груди под рубахой не снимая. В комнате развесь ветви рябины. На окно можно и в подушку.

- А еще есть? Для Ани. – попросил я, вертя в руках оберег.

- Сделаю. – пообещал старик.

Я пришел за Анькой в самый разгар торжественного захоронения курицы у порога бани.

- Все, Яр! – торжественно отрапортовала сестра. – Теперь дух тебя не тронет.

Сейчас днем никакого страха не было, даже казалось, что это произошло не со мной или будто во сне, но я все равно с опаской поглядывал на баню.

- Как вы тут живете на окраине. – проворчал я, глядя как Машка, ловко орудуя лопатой, делает «могилу». – Там полуденницы, тут банник.

Та оттерла пот со лба:

- Ишь нежный какой. Из-за тебя пришлось курице голову рубить теперь.

- Я ж не специально.

Черная курица полетела в яму. Следом туда же отправилась ее голова. Утрамбовав как следует землю Машка, отставила лопату:

- Вы же к Михалычу пойдете? Я с вами.

Я обрадовался. С Машкой было гораздо веселее. С виду не особо симпатичная, она с лихвой компенсировала это бойким нравом и весёлым характером.

Покончив с «похоронами», мы вроем направились к Михалычу. Тот, словно ожидая нас, курил на завалинке. Анька с разбега запрыгнула к нему:

- Дед, Миш, дальше расскажи, а? Что было?

Тот удивленно начал активно пускать кольца дыма:

- А разве мы не закончили?

- Нет-нет! – запищала сестра. – Церковник вернулся один! Ты на этом остановился и, мы в баню пошли. Яр, скажи!!

Я кивнул. Мы с Машкой сели на траву. Пес тут же прибежал к нам и положил морду мне на ноги.

- Эх, памяти никакой не стало... Правда твоя, малявка, не все. Ну слушайте, раз пришли. Расхмелел батюшка и молвил. Страх, говорит, что было. Дошли они до западной стороны озера, не без трудностей знамо. Лес обступал их со всех сторон, загонял в болота и чащи. Меж стволов то и дело чудища разные мелькали. Темные, огромные, с горящими глазами. Их рычание преследовало путников, не давая спать ни днем ни ночью. Даже костер не спасал. Нечисть отступала от света костра, но продолжала бродить вокруг. Долго они шли вдоль озера, освещая путь факелами и образом Божиим, пока не набрали на гнездо русалки, свитое на ветвях огромной плакучей ивы. Мы было приняли его за гнездо аиста или орлана. Под ним все было усеяно рыбьими костями и чешуей. Смерд стоял страшный. Воздух был пропитан трупным ядом. Один из хлопцев набрался храбрости и решил забраться и посмотреть, что в гнезде. Больше живым мы его не видели. То, что сидело в гнезде напало неожиданно. Мы услышали его жуткий вопль, ветви затряслись, посыпались листья. А затем все затихло и что-то утянуло его в гнездо. Зачвакало и заурчало. А на нас закапала еще горячая кровь.

Анька прижала ладони к лицу. Больше, разумеется, для пущего драматизма.

- Русалки выют гнезда? – с сомнением спросила Машка. – Я думала они на дне живут.

- Может и выют. – пожал плечами старик. – Откуда знамо? Может заняла уже готовое. Бросились бежать значит они, не разбирая дороги и не оборачиваясь. А нечисть эта по деревьям гналась за ними шипя и сыпя проклятия.

- По деревьям? – снова спросила Машка.

- Эх, любопытная девка! Как есть говорю – по деревьям. С ветки на ветку над их головами прыгала, а где и полозом ползла. Долго продолжалась эта погоня ни на жизнь, а на смерть, пока второй хлопец без сил не упал. Церковник нес его на себе сколько мог, пока не обезножил. Ночью она нагнала их и утянула парня на дерево. Только образ Божий спас меня, повторял церковник, поднимая крест. Не посмела подойти тварь нечистая, боялась. На утро собрал священник все пожитки свои, запряг лошадь и был таков. Поняли люди, что уходить надо из тех мест, не даст им житья Марилька. Так и ушли жители, побросав свои дома и все нажитое. Отстроили деревню заново в этих краях, а нечисть озерную стороной обходят.

- Жалко ее. – пропищала Анька.

- Руки она сама на себя наложила-то. Сама участь выбрала.

Машка зевнула:

- А я вот думаю нет ее там давно. Целый век прошел.

- Есть, - выдохнул Михалыч. – Никуда не делась, ни она, ни ее ненависть.

- Так а народ причем? – спросил я. – Ее же возлюбленный бросил. И вроде как она его утянула в озеро с лодки? Должно пройти проклятие.

- Устал я от вас, малыцы. – прокряхтел Михалыч. - Уж больно умные вопросы задаете. Откуда знамо, на что она на нас осерчала? Нет ей покоя не иначе. Плачет и воет она дни напролет вися на ветках ивы, глядя вниз на свое отражение. Погибель тому, кто приблизится к озеру.

Через два дня охотники ушли. В дальний поход до глубокой осени отправились девятнадцать мужчин. Среди них было и несколько моих ровесников, и я был крайне расстроен, что не уйду с ними. Провожать их вышли все жители.

Дети и жены обнимали своих отцов и мужей, кто-то тихо плакал. Собаки рвались в лес, натягивая поводки. Сумки и рюкзаки были набиты провизией, снастями и капканами. У каждого из-за спины выглядывало ружье, а на суровых лицах уверенность и твердость.

Отец поцеловал и спустил с рук сестру, потрепал меня по голове:

- Береги их, Яр. Вверяю их тебе.

- Сберегу. Себя сам береги. – кивнул я, сдерживая ком в горле. Нельзя показывать слезы.

На матери не было лица. Она держалась как могла. Никогда отец не оставлял нас надолго. Он прижал ее к себе, что-то зашептал на ухо, а потом крепко поцеловал в губы. Та смущенно зарделась.

Он еще раз обернулся и помахал нам на прощание. Мы стояли пока не затих лай собак, и только потом разошлись по домам.

Мать сразу возложила на меня часть отцовых обязанностей – колоть дрова, текущий мелкий ремонт дома и уход за скотиной. Каждое утро я вставал и шел в сарай – сыпал курам зерно в кормушки, менял воду. Проверял и очищал гнезда от помета, добавлял солому если было нужно. Поросят кормили болтушкой из того, что оставалось после ужина и запаренным зерном. Чистил у них я обычно вечером, таская ведра с навозом на общую кучу за пределами деревни.

Анька без отца сразу сникла и грустила, а я не знал, как ее развеселить. Михалыч расхворался, как назло, и почти не выходил на свою завалинку чтобы развлечь нас своими сказками. Я иногда забегал к нему – относил то пироги, то краюху свежее испеченного хлеба.

- Новости есть какие? – спрашивал он каждый раз. – Дошли до стоянки?

Я только качал головой.

Охотники взяли с собой голубей, однако ни одного голубя еще не прилетало.

Чтобы хоть как-то отвлечься самому от невеселых мыслей я начал мастерить конуру. Собрал по сараям ненужные доски, взял горсть гвоздей и принялся за работу. Анька не отходила ни на шаг, крутясь рядом.

Было решено поставить конуру на прежнее место под березой рядом с завалинкой. Сначала я сколотил каркас, затем принялся обшивать его. получалось довольно неказисто, но надежно.

- А на пол? – заботливо пищала Анька, со скептицизмом оценивая строение. - Чтоб тепло было нужно положить ткань.

- Солому кинем.

- Щенок маленький будет, ему нужно тепло! И миску! Маам!!

- Да успеешь еще с миской! Они родились только.

- А смотреть когда пойдем?

- Через недельку.

- Долго! Хочу щеночка! – заканючила Анька.

Я строго произнес:

- Это не игрушка. Лайку будем растить. Обучать ее надо будет, а не баловать.

- Воспитывать? Как детей?

- Дрессировать. Чтоб команды знала. Чтоб голос подавала на зверя. На белку один лай, на лося другой, на медведя – третий. Чтоб след умела распутывать и идти по нему. Чтобы умела работать по зверю пока охотник подходит к ним для выстрела.

- Ууу, как сложно.

- Конечно, а ты думала... - ответил я сам, удивляясь тому как много оказывается знаю о собаках.

- Ты с ней ходить в лес будешь?

Я пожал плечами:

- Мне самому учиться и учиться. Отец как вернется обещал на охоту брать. Собака как раз пригодится.

- И я с вами пойду!

- Девкам не положено.

Анька обиженно надула губы:

- Тебя тоже не взяли – не дорос еще!

Мать гаркнула с крыльца:

- Аньк, язык оторву! Живо подмети двор – одни стружки вокруг!

- Дык это Яр намусорил!

- А твое дело убрать. И без разговоров.

С поникшими плечами сестра пыхтела, но, взяв веник, стала подметать. Я исподтишка ухмылялся. Иногда ее стоило ставить на место.

Следующим утром прилетел голубь с сообщением что охотники дошли до стоянки. Вся деревня радостно гудела.

Я, схватив краюху хлеба и чашку творога, побежал к Михалычу. Заметно сдавший за последние дни старик сидел за столом.

- О, Яр, я как раз чай завариваю.

- Я творогу взял. Мама говорит там сила в нем, чтоб не болеть. И хлеба. Вчера пекли.

- Домовой не шалит?

- Тишина пока. Варенье кладут чашку в подпол. Но мне кажется его только мыша ест.

- Мой амулет носишь?

- Угу. – я достал из-за ворота шнурок с мешочком.

Старик протянул руку и разжал кулак. На стол упал такой же мешочек:

- Сестре отдай. Оберег.

Я спрятал амулет в карман и сел на табурет за столом. Михалыч ел творог, захлёбывая его горячим чаем. Делал он это весьма громко.

- А! Люблю крутой кипяток.

- Охотники дошли! – вдруг вспомнил я что хотел сказать. – Голубь старосты прилетел.

Михалыч улыбнулся беззубым ртом:

- Вот хорошие новости! Эх!! Было время я тоже ходил по лесу!

- Ты был охотником? – удивился я.

- А как же!

Он указал на стену:

- Вон ружьишко мое старое. Над дверью. Давно не чистил я его, но оно по-прежнему меткое как глаз сокола. Бил птицу с тридцати шагов, как ни больше! Сколько глухарей бил, рябчика... И медведя бил.

- А почему перестал?

- Зрение не то стало, потом ноги слабы стали. В руках сила пропала. Старый стал, какая уж тут охота... Но лес хорошо помню. Каждую тропинку. Сняться иногда сны как хожу троплю зверя. Как на куниц капканы расставляю по путнику. Эх... Были времена. Собака лает зверя, а ты с подветренной стороны крадешься, подходишь к ним. А у самого от предвкушения руки дрожат и во рту сушь стоит. Столько мяса сейчас добыть сможешь! Полдеревни накормить можно! Выцеливаешь лосяка, а потом смотришь что это корова с маленьким теленком. Пропадает он без нее ведь. Отзываешь собаку и уходишь. Вот Яр я какой был... Сейчас охотник не такой пошел. Не смотрят кого бьют, вот и ушла дичь. Много негласных правил нарушают.

- Правил?

- Чему тебя отец учит вообще? Лесной кодекс запрещал нам бить птицу во время гнездования, ловить рыбу во время нереста. Нельзя брать лосих после гона, они брюхатые все. Много правил есть, но не все их чтят. Вон соборник, если хочешь возьми домой почитай.

Я жутко обрадовался и снял с пыльной полки книгу. Принялся листать пожелтевшие страницы. Попадались иллюстрации с рисунками зверей, схемы установки капканов.

- А там нет как собаку на зверя дрессировать?

- Собаку берете?

- Ага. У старосты щенка берем. Отец, уходя, велел. Конура уже готова.

- Это хорошее дело. – зашамкал старик. - Собака тебе пригодится. Если собака хорошая, она глаза и уши охотника и не раз спасет тебе жизнь. Дрессировка сложная вещь. Раз за разом нужно объяснять ей кого лаять, а на кого не обращать внимания. Основные трудности с тем, что они не всегда понимают разницу с куницами и белками. Тут нужно проявить стойкость и безжалостно пороть пока не поймет, а то так и будешь бегать за ней, а она за каждой белкой в лесу.

- А если собака плохая?

Он посмотрел на меня из-под лобья:

- Коль толка нет - посадишь на цепь сторожить хату или пустишь пулю в лоб, чтоб зря не кормить.

- Я не смогу пулю... - пробурчал я.

- Знамо, нет в тебе жесткости. Пока нет.

Уходя, я остановился у порога и посмотрел на книгу в руках:

- Я почитаю и верну.

- Оставь себе. Старику она уже ни к чему.

- Эти две девочки, а тот мальчик. – сообщила жена старосты, придерживая собаку возле себя за ошейник. – Твой отец вроде суку хотел?

- Угу. Ань выбирай какую берем?

Сестра зачарованно смотрела как по ногам бегают, поскуливая и потешно рыча, рыжие толстенькие щенки. Я ожидал, что она едва их увидит будет визжать и голосить от умиления, но Анька подошла к выбору со всей ответственностью и серьезностью.

- Вот эту!

- Почему?

- Кусается и гавкает громче всех. Самая смелая!

- Ну раз так, - засмеялась хозяйка, подхватывая щенка и протягивая его ей. – То забирай!

Щенок тут же облизал нос сестре. Та засмеялась:

- Какой шершавый язык!

Ее глаза искрились искренним и бесконечным счастьем. Я знал, что ей не терпится уже отнести щенка домой и поселить в конуре. Мы отдали за собаку деньги, оставленные отцом и, поблагодарив соседей, пошли к себе.

Щенок и Анька с воодушевлением носились друг за другом во дворе, с упоением голоса и гавкая друг на друга по очереди, а я сидел и думал, как ее назвать.

Вышедшая на нашу возню, мать с сомнением посмотрела на собаку:

- Мала еще, надо бы подождать еще было. Ее молоком поить еще надо.

- Сказали забирать можно.

- Ну смотри на тебе она полностью.

- Конечно.

- На цепь рановато сажать, но на веревку можно.

- Не надо на веревку! – услышав закричала Анька. – А ночь она со мной будет спать!

- Ты в конуре не поместишься! – засмеялся я.

Анька обиженно фыркнула.

- За молоком-то кто пойдет из вас? У нас снова домовый буянит.

- Ему варенье надоело, потому что. – заметила сестра. – Он меда хочет.

- Откуда ты знаешь? – склонила мать голову на бок.

- Ночью слышала, как он ругался на варенье. – ответила Анька, непринужденно ковыряя в носу и глядя щенка. - К тому же уже засохшее.

- Ишь какой гурман. Ну, Яр, иди к Ольге за молоком и медом тогда.

- А когда у них теленок будет?

- Как будет так будет. Все мне помогать будите, а не просиживать зады у Михалыча.

Еще и корова. Я вздохнул. Забот прибавиться. Что-то мне подсказывало, что мать готовится к тому, что охотники снова придут с пустыми руками и искала способы пережить суровую зиму. Бычок пошел бы на откорм, а корова смогла бы кормить нас круглый год. Это и сыр, и молоко, и творог.

- Наверное надо уже заготавливать сено? – поднял я голову. – Заранее.

Мать как-то странно посмотрела на меня:

- Ах, Яр, когда ты такой взрослый стал... Возмужал.

На следующий день деревня шумела как разворошенный улей шмелей. Оказалось, что несколько девушек ушло в лес за малиной, а когда пришло время собираться и возвращаться, то не смогли найти Настасью – первую красавицу и хохотунью деревни. Все девушки были вместе и постоянно перекликались в малиннике и когда она пропала никто не заметил.

Было решено организовать поиски пока не наступил вечер. В сумерках в лесу было крайне опасно, и если ее не найти до наступления ночи, то найти живой на следующее утро было маловероятным. Лес был наполнен недружественными к чужакам существами.

- Не найдут. – махнув рукой, прощамкал Михалыч впервые за несколько дней вышедший из дома. Он доплелся до изгороди, провожая глазами поисковую группу – родителей девушки, соседей и добровольцев из нескольких молодых парней, кому явно была безразлично судьба девушки.

- Аука увела или волколак утащил.

- Среди бела дня? – с сомнением спросил я. – Может уснула в малиннике?

- Ох, чудится мне не то еще будет...

Мне стало казаться что старик что-то знает и недоговаривает.

- А ты что не пошел? – спросил он меня. – Мамка не отпустила?

- Угу.

- Ну и ладненько, мудрая она у вас женщина. Ты сестре оберег повесил?

- Повесил.

- Не снимай. Никогда. Времена страшные грядут.

- Что ты такое говоришь?

- Зима придет голодная. Тьма близко. Нежить за порогом деревни без боязно ходит.

- Отчего это дед Миш? Из-за озера? Из-за русалки?

- Кто знает...

- А потом после церковника ходил кто на озеро?

- Ходить то ходил, но мало кто возвращался. А кто вертался уже не был самим собой.

- Что это значит?

- С ума сходили. Сразу или потом. Эх, Яр, темная это история дурная. Не стоит ворошить прошлое и беспокоить те воды.

У меня возникло желание почитать его записи о нечисти, но, когда я сказал об этом, Михалыч сказал, что не время еще.

Поисковики девушки вернулись ни с чем. Решено было продолжить поиски утром, однако этой ночью мало кто спал. Во многих избах горели свечи, на домах не тушили факелы.

Глава 2

Ее нашли на следующий день. Тело будто специально подкинули в тот самый малинник, где ее видели последний раз. С теми, кто на нее наткнулся случилась дикая истерика, а к обезображенному телу подпустили лишь отца. Его крик еще долго звучал у меня в ушах. Хоронили Настасью в закрытом гробу в полном молчании, а безутешную мать девушки, онемевшую от горя, с трудом увели с кладбища.

По деревне стали ходить страшные разговоры. Кто мог напасть на нее среди белого дня, учитывая, что вокруг было много людей? Как получилось так, что никто не заметил этого? Ни крика, ни шума?

Староста деревни мужчина лет шестидесяти собрал Совет деревни:

- Так нельзя оставлять. Этого зверя надо выследить!

- Какого зверя, Тихон?! – выкрикнули из толпы. - Как есть волколак завелся! Или что похуже!

Я и остальные дети сидели на изгороди позади толпы, как куры на насестах. Любопытство брало верх над страхом. На нас никто не обращал внимания, хотя раньше с Совета нас прогоняли вразнужу же.

- Никакой разницы что это за тварь! Найдем ее и убьем!

- Все охотники почти ушли. Кто пойдет за зверем?

- Кто может держать ружье, те и пойдем!

- Остались молодежь и старики, о чем ты говоришь?!

- Сам пойду! – проревел Тихон. – Отец ее пойдет! Кто еще? Не выследим эту тварь – завтра она из постелей будет воровать ваших детей и жен!

Жители закивали, зашумели. Подняли руки несколько желающих.

Машка ткнула меня в бок:

- Что не идешь?

- А с чем? – прошептал я в ответ. – Ружье отец взял.

- А пошел бы?

Я пожал плечами. Я никогда не ходил на охоту, тем более сразу на опасного зверя.

- Яр, никуда не пойдет! – вступилась за меня Анька. – Вдруг еще и его загрызут? Вот вырастет наша Чуя, тогда можно.

- Чуя? – переспросил я со смехом. – Что за имя?

- Ну ты до сих пор ни придумал, я решила так. – важно ответила сестра. – Как же мне ее звать?

- Ладно оставим Чую. Мне нравится.

Машка задумчиво подперла подбородок руками:

- И правда кто это мог сделать? Даже нечисть днем не показывается... Может русалка все ваша?

Анька насупилась:

- Что ты говоришь?! До озера жуть сколько идти.

- Михалыч же говорил, что она по деревьям лазает хорошо.

- Марилька тут ни при чем!

- А кто?

- Может Настасья вообще уснула, а ночью на нее напали?

- А что русалку ты защищаешь? – нахмурилась Машка. – Это из-за нее все наши несчастья!

Девочка замотала головой и насуплено ответила, так что ее губы задрожали:

- Это не Марилька! Ей до нас и дела нет! Она была проклята из-за того, что сама бросилась топиться, а теперь оплакивает свою любовь!

- Дык, она его сама с лодки утащила же! – принялась спорить Машка.

- Ну не убила же! Его не нашли. Она его освободила может...

Дети рядом разинув рты принялись слушать нас.

- Ага! И лодка в крови была почему-то.

- Это Михалыч приукрасил. – не уступала Анька. – Он всегда по-разному рассказывает!

- Она всегда на людей нападала.

- У озера!

- Что и говорит о ее недобрых намерениях. – усмехнулась Машка, подводя черту.

- А у людей какие были намерения? Мы же не знаем... - вступился за я сестру.

Та посмотрела на нас как на прокаженных:

- Она – зло! И ее проклятие, и яд отравляют наши леса и воду! С нее все и началось!

«И должно закончиться», - подумалось мне, но я промолчал.

Совет расходился. Мы поняли, что с этим спором все прослушали, когда же пойдут выслеживать зверя. Я спрыгнул с забора и снял Аньку.

- Идем домой. Чуйку кормить пора.

Мать после Совета была сама не своя.

- Ах, Яр! Не спускай глаз с Аньки прошу тебя!

Я пожал плечами:

- Она, итак, всегда со мной.

- В лес ни ногой. Я запрещаю!

- Мам, ты чего? – подняла на нее сестра свои удивленные глазищи.

У нее дрожали губы:

- Ставни на ночь будем запирать и засов нужно другой, этот сгнил давно.

- Найду. – кивнул я.

- Кого ты боишься? Зверя из леса? – спросила Анька.

Мать прижала ее к себе, а меня потрепала по волосам:

- Что вы... Это на всякий случай. Еще не известно кто это был.

Я нахмурился:

- Ты думаешь это мог быть человек? Из нашей деревни?

- Я ничего не знаю и не хочу думать о плохом. Мне главное вас защитить. На ночь будем закрываться теперь. Сарай тоже проверить надо, чтоб подкопать нельзя было.

- И Чую домой возьмем! – вставила Анька.

- В сени. – неожиданно согласилась мать. – Ночью пусть в сенях спит. Не хватало еще без собаки остаться.

И тут я вспомнил про ружье Михалыча, пылящееся на стене. Я почему-то был уверен, что он мне его отдаст, если я попрошу.

Те, кто ушли выслеживать зверя, вернулись ни с чем поздно вечером. Я, незаметно умыкнув из дома, подошел послушать новости, однако мужчинам нечего было сказать.

- Нет ни одного следа зверя. Обшарили все в радиусе километра.

- Роса была сильная, все следы смыло.

- Брехня. – прошамкала одна из старух, громко ударив посохом о землю. - Мой старик говорит, что быть такого не может. Плохо искали.

- Лес прибрал. – сказал кто-то из толпы.

- Волколак как есть! – говорили одни.

- Волколак следы бы оставил. – возражали другие.

- Не иначе нечисть новая завелась.

- А может старая? – снова вставил кто-то. - Про Марильку что молчим? Кто-то деревья осматривал? Там и ручей недалеко ведь. Кто знает может в озеро ведет?

От холодного порыва ветра, налетевшего с поля, тревожно и гулко зашумел лес. Все резко замолчали, поежились. Затрепетало пламя факелов.

- Нечего вспоминать лихо. – снова прошамкала старуха. – Ишь удумали чаво. Накликать беду хотите?

- Уже беда пришла!

Та сверкнула глазищами:

- Русалка не приближалась к деревне много лет! Если это Марилька, то нет нам спасения! Закрывайте двери и окна и молитесь, чтобы это была не она, а оголодавший волколак, потерявший страх. Если это так - мы его выследим. Капканы наставим вокруг деревни. Привады, как на медведя сделаем. Яд положим в павшую козу. Это всегда работало!

Толпа одобрительно закивала. Решено было наутро забить несколько коз и оставить на солнце, чтоб приманка как следует протухла. С душком она была более привлекательна для зверя, кем бы он ни был.

Немного успокоенный народ постепенно расходился. То тут, то там слышался звук запираемых на засов дверей. Гасили фонари и факелы, в окнах задувались свечи. Я шел погруженный в свои мысли, не сразу заметя что на улице к своему дому остался совсем один. Я ускорил шаг.

А потом появилось оно. То самое отчетливое чувство, что на тебя кто-то смотрит.

Не сбавляя шага, я обернулся. Ни впереди ни позади меня никого не было. Нужно было успокоиться. Это все эти разговоры. Не стоило слушать их на ночь глядя. Да и от матери сейчас влетит по полной...

Деревья над деревней шумели черной страшной стеной. Лес и правда подошел почти вплотную, и тянул к нам еловые ветви, будто мохнатые, когтистые лапы.

Я шел, опасливо поглядывая то на лес, то назад за спину. До дома оставалось всего четыре двора, когда среди ветвей сверкнули глаза. Неясный темный силуэт с немигающим взглядом, устремленным на меня. Я попятился.

Глаза закрылись, скрывая существо во мраке. Однако я отчетливо видел, как оно, прильнув к стволу дерева, мягко скользнуло вниз. Послышался шорох травы у кромки леса.

Я бросился к дому во весь дух. Влетев во двор, я отвязал скулящую Чую и забежал в сени вместе с собакой на руках. Обновленным крепким засовом запер дверь изнутри.

- Где ходишь? – сурово осведомилась мать, едва я вошел в хату. Она сидела за столом крутя перед собой уже остывшую кружку чая.

Я выпустил Чую на пол:

- Ходил новости узнать. Пусть сегодня в доме ночует. Холодно ночью в сенях, мала еще.

Щенок, немного покрутившись, улегся в углу у двери. Полуприкрыв один глаз и приподняв ухо, Чужа, несмотря на свой юный возраст, продолжала бдительно охранять нас.

Я немного пришел в себя. В кухне горели свечи, пахло хлебом и было тепло и спокойно. Померещилось или мое воображение сыграло со мной злую шутку?

- И что говорят?

- Ничего не нашли. Следы роса смыла. Будут ставить капканы и приманки с ядом. Анька спит уже?

Ставни за окнами немного поскрипывали. Нужно будет смазать.

- С этой собакой весь вечер пробегала. Уснула без задних ног. Ты тоже ложись. Устал небось. Утром пойдем сено снова накосим. Что высохло собрать надо на сеновал.

Я спорить не стал. Скинул рубаху и забрался на лавку под одеяло. Мать еще немного повозилась на кухне, затем погасила свечи и тоже легла рядом с Анькой.

Я проснулся от того, что в кухне тихо рычала Чуя. Снова домовой? Я прислушался, однако в подполе была тишина.

Предраассветная темнота. Чуть меньше трех часов ночи. Скоро проснуться первые петухи.

Я тихо позвал собаку, чтобы она не мешала другим спать, однако еле слышный шёпот матери заставил меня замолчать:

- Тсс! Яр! Тихо.

- Что? – прошептал я.

- Вокруг дома кто-то ходит.

По телу прошла дрожь. Скрип ставен и половиц. Рычание Чуи на дверь. Я прислушался. Тишина на первый взгляд. Затаив дыхание, я напряженно вслушивался в каждый шорох.

И... Вот оно... Вдоль стены в саду что-то двигалось, едва слышно шурша приминаемой травой.

Встав с лавки, я на цыпочках пробрался на кухню за топором. Сжав его в руках, я почувствовал себя немного увереннее и, стараясь не наступать на скрипучие половицы, подошел к окну на кухне. Сквозь щели в ставнях ничего нельзя было рассмотреть. Слишком темно.

Я прижался спиной к стене и закрыл глаза. Представил наш дом. Его уязвимые места. Дверь и окна на замке.

Печная труба. Либо подкоп в погреб.

С обратной стороны стены движение замерло. Прямо около меня. Я перестал дышать. Едва слышное скрежетание по дереву.

Она скребла ногтями по ставням.

Она?

Я сглотнул. Действительно ли я видел русалку на дереве и теперь она тут прямо у нас в саду?

Не достигнув успеха с окном, существо решило сменить тактику.

- Она на крыше! – прошептала мать. – Яр!

Я бросился к печи. Закинул в нее несколько поленьев, а под них сунул и поджег бересту. Языки пламени начали лениво облизывать поленья, но огонь не желал разгораться, становясь все меньше и бледнее. Нету тяги. С дымохода посыпался пепел.

Она в трубе!!

Схватив масленку со стола, мать выплеснула все содержимое прямо на дрова. Ярко вспыхнуло пламя, в дом повалил едкий черный дым.

- Закрой заслонку! Подопри ухватом!

Пламя разошлось. Стало гудеть ровно. Дым, как и положено пошел в трубу.

- Ушла?

- Кажется, да.

Откуда-то донеслись первые петухи и лучи восходящего солнца начали осторожно заглядывать сквозь ставни. Страх сразу ушел, однако мы уже больше не ложились спать. Я так и просидел на лавке с топором в руке, а мать замесила тесто, чтоб испечь пирогов – не должно было тепло печи пропадать зря.

Утром я вышел в сад. Покрытая искрящейся росой трава местами была примята. Однако на шаги человека или зверя это было вообще не похоже. Я сел и коснулся этого следа. На ладони остался липкий налет. Сильно пахло болотом. След исчезал в том месте, где она взобралась на крышу.

Когда я сказал об этом матери, она сурово произнесла:

- Аньке не говори только. Напугается.

- Что нам делать? Скажем старейшине? Нужно предупредить остальных.

- О чем? Яр, мы не знаем, что там было...

- Не важно что. Оно хотело пробраться к нам в дом.

- Просто будем настороже. Вечерами топить печь. Погреб тоже на замок закроем или сундук поставим. Может и не явится больше.

Я промолчал, прекрасно понимая, что это был не выход. Но она больше и не могла ничего сделать, как женщина. А я мог. И пока еще Анька спала, я побежал к Михалычу.

- Нужно ружье! – с ходу выпалил я, едва тот открыл дверь.

- Ишь чаво удумал. – сонно проворчал тот, однако впустил меня в дом. – Зачем оно тебе сказывай? Просто так не дам.

Я подробно рассказал о ночной обороне дома и о том, что видел кого-то на деревьях.

Старик хмурился, отчего все его морщины ходили ходуном по озабоченному лицу.

- Плохо дело. Ох, плохо.

- Это русалка? Она напала на девушку?

- Не знаю.

- Я хочу пойти в лес с остальными сегодня. – твердо сказал я. - Хотят поставить приваду и сесть в засаде.

Тот покачал головой:

- Это пустая затея, Яр.

- Я должен защитить маму и сестру. Так мне велел отец!

- Знаешь сколько молодцов покрепче тебя полегли и пропали без вести, пытаюсь найти и убить русалку?

Я замялся:

- А если я не хочу ее убить? Я спрошу ее, что она от нас хочет.

Михалыч расхохотался:

- Мальчишка!.. Что же вчера не вышел и не спросил, а? Да ты и близко к ней не подойдешь. Услышишь ее песнь и все – забудешься и сам в воду кинешься. Утопцем обернешься. Будешь гнить заживо, тиной и лягушками питаться, пока твоя плоть совсем не растворится в воде, оставив от тебя только белые обглоданные рыбами косточки.

Этими сказками меня нельзя уже было испугать. Я насупился:

- Ты дал мне амулет. Она не тронет.

- Какой упрямец. Ты и в лес то не хож был при отце, а сейчас хочешь сам ее искать?

Я покачал головой:

- С ружьем или без я все равно пойду сидеть на приваде!

- Тебе мать-то разрешит?

- Я уже взрослый и могу сам решать такие вещи. К тому же если у меня будет оружие она не станет возражать.

- Ох, окаянный упрямец. – прокряхтел Михалыч, встав из-за стола.

Он и осторожно снял ружье и покрутил в руках, критично осматривая:

- Старое, но послужить должно. Во сколько пойдете?

- После полудня будем ставить приваду на дальней опушке и сядем на дереве в лобаз.

- Сначала нужно привести его в рабочее состояние. Почистить и смазать. Просушить патроны. Я приготовлю все до твоего ухода.

- Спасибо!

- Эх, не благодари... Темные времена придут не иначе.

Привадой был старый дохлый вонючий козел, от которого так несло на всю округу, что не спасала даже повязка на лицо и выворачивало от омерзения от каждого вздоха.

Его мы затолкали в ржавую бочку с небольшим отверстием и, как следует заварив ее, привязали цепями к дереву на опушке. В бочку плеснули немного воды, чтобы «сок» пуще

вонял и привлекал внимание. Однако дело шло к вечеру, а козел привлекал только полчище мух, которые, облепили не только бочку, но и бесконечно донимали нас.

В лобазе, расположенном в ветвях огромного дуба, стоящего на самом краю опушки, засели трое - сын старейшины Никита, двоюродный брат покойной девушки Ахтим и я. Никита и Ахтим были на год старше меня – им уже исполнилось восемнадцать. Оба были на голову выше и шире в плечах.

Прислонившись спиной к стволу дуба, я никак не мог привыкнуть к тому что держу в руках старенькое ружье Михалыча, а в голове раз за разом крутился разговор с матерью.

- Ты с ума сошел? – всплеснула руками она, повторяя который раз. – Какая тебе охота?! Я прибью этого старого идиота. Зачем он дал тебе ружье?

- Я решил, я пойду. – насупился я, не ожидая такой реакции. – Не могу оставаться в стороне.

- Был бы отец тут – давно бы всыпал тебе по первое число!

- Но его тут нет! А вас он просил меня защищать!

- Но не сидя же верхом на дереве, где вы как на ладони! А если русалка? Или чего похуже? Кто с тобой еще?

- Никита и Ахтим. И нас там не видно будет. И ветер в нашу сторону вроде как дуть будет. Хотя там такое зловоние, что нас никто и в двух шагах не учует.

Она снова покачала головой:

- Я против, Яр. Оружие это, конечно, хорошо, но лучше бы ты дома с ним остался. А если она снова придет?

- Я насыпал соли в углах дома и развесил рябину на окна. У Аньки есть оберег.

- И где ты этому всему понабрался? – вздохнула она, сдаваясь. – Очень тебя прошу не лезь на рожон пожалуйста.

- Мы в безопасности будем. Лобаз высоко – метров семь от земли и укрыт ветками.

- Мы тогда к Ольге уйдем ночевать. Боязно мне одной тут, Яр...

Было душно. Ветра почти не было. Заходящее солнце скрылось за деревьями. К мухам добавились огромные комары, но двигаться было нельзя – наши двигающиеся меж ветвей тени могли спугнуть зверя. Мы лежали на досках, не спуская взгляда с противоположного участка опушки, где была привязана привада.

- Ты хоть стрелял из него? – прошептал Никита, косясь на мое оружие. – Выглядит не ахти.

- Конечно, - огрызнулся я. – Я пристрелялся, поправку сделал.

Доселе молчавший Ахтим вдруг спросил:

- Как думаете клонет кто?

- Зверя нет в округе. Ни волка, ни медведя. Даже птицы не поют, гнез не вьют. То, что тут завелось и напало на Настасью обязательно придет сюда. Хотя бы ради любопытства. – ответил Никита. – Давайте сразу договоримся как дежурить будем. Или все спать не будем?

- Дежури́м по очереди. – глухо ответил Ахтим, не сводя глаз с привады. – Я первый.

- Тогда ты, Яр, второй. Я под утро.

Я кивнул.

- Медведь обычно на рассвете приходит. Он тухлятину любит. Может возвращаться каждый день на приваду. Сначала осторожничать будет, потом осмелеет. – прошептал Никита. – А вот нечисть обожает предрассветные часы.

Я поежился.

- Только это не медведь. – процедил Ахтим. – Медведь не мог такое с моей сестрой сделать.

- А если русалка? – спросил я.

Никита фыркнул:

- Ты явно переслушал рассказы Михалыча. Я не верю, что она до деревни доползла.

- А я верю. – процедил Ахтим. – Во что угодно поверю сейчас.

- Если эта хвостатая баба появится, то отведаст нашего пороху.

- Если вперед не заметит нас. А если заметит – хана нам. От ее песни с ума сходят.

- Ерунда это. – отмахнулся Никита.

- Не ерунда! – настаивал Ахтим. – Моя прабабка говорила о ней, но совсем не так как Михалыч. Ее бабушка жила в те времена. Была еще девчонкой, но, помнит, как жители уходили с озера.

- И что говорила? – заинтересовался я.

Тот пожал плечами:

- Я малой был, но помню, что там иначе все было. И про книгу мне говорила она, где все записывали для истории.

Я насторожился и задумался. Не книга ли Михалыча имелась ввиду?

С заходом солнца быстро темнело. Лес, казалось, стал выше и гуще. Мы притихли. Лишь издали доносились звуки деревни – мычание коров и стук топора. А в лесу стояла безмолвная тишина.

- Не нормально это. – проговорил Ахтим, тревожно поглядывая по сторонам. – Там что-то есть - зуб даю.

Как только мухи и комарье пропали, меня сразу сморил сон. Однако часа через два меня разбудил сильный тычок в ребра. Я с трудом разлепил глаза. Темно. Я непроизвольно сжал в руке ружье и сразу все понял.

На приваде кто-то был!!

Сердце укатилось в пятки и стало жутко холодно.

Поляна довольно слабо освещалась луной из-за облаков и, оба парня напряженно вглядывались сквозь ветви лобазы. Я еще никак не мог привыкнуть к темноте, однако слух уже отчетливо уловил звуки, доносящиеся с противоположного края опушки.

Переворачиваемая бочка время от времени гремела цепью. Слышался едва уловимый скрежет когтей по металлу. А затем глухое недовольное рычание.

Никита осторожно, стараясь не шуметь, выставил впереди себя ружье и глянул в прицел. Ахтим занял такую же позицию чтобы выстрелить в случае его промаха.

- Кто там? – едва шевеля губами спросил я, прекрасно понимая, что, как и он, парни кроме темного клубка, ворчащего у бочки, ничего не видят. Все зависит от удачного выстрела. В шею или в голову. Попадание в живот или конечность давало зверю возможность уйти.

- Стреляем вместе. – прошептал Ахтим. – На счет три. Три, два... Один!

Грохнули два выстрела.

Подскочив на метр в высоту, существо болезненно взвыло, и ринулось в лес. Затрещали ломаемые ветки кустов.

Никита, подняв голову, чертыхнулся:

- Попали же! Вот гад!!

Ахтим сел, отбросил ружье и раздосадовано произнес:

- Вот черт! Ушел!

- Далеко не должен уйти. Попали крепко! Подождем рассвета и пойдем искать.

Никита и Ахтим спали, свернувшись калачиком на досках. Я бы если и захотел, спать не смог бы - меня трясло всю оставшуюся ночь.

Вокруг поляны то тут, то там слышались странные шорохи и звуки. А время от времени виделись тени в ветвях деревьев и сияющие глаза. Вцепившись в приклад ружья, я молился дожить до утра и клялся всем богам, что никогда больше не ввяжусь ни в какую авантюру,

лишь бы еще раз бы мне позволили увидеть Аньку и маму. Я надеялся, что их ночь прошла гораздо спокойнее.

Утром выпала роса и, все продрогшие и замершие мы спустились со своего укрытия.

- Будте начеку. – предупредил Ахтим, подходя к приваде. – Мы не знаем кто это был. – Яр, не зевай, смотри по сторонам.

- Я смотрю.

У бочки на траве были отчетливо видны пятна алой крови.

Никита был доволен:

- Хорошо попал. В артерию.

Ахтим, наоборот, ходил вокруг с обеспокоенным лицом:

- Следы волчьих. Крупные. Одиночка. Никак волколак.

- Ну что готовы выследить волколака, а парни? Будем героями в деревне. К тому же он вряд ли далеко ушел. Не боишься, Яр?

- Боюсь. – честно признался я. – Но пойду.

Перспектива тащиться одному в деревню по лесу, где мог притаиться раненый волколак меня не прельщала от слова совсем.

Идти по следам ничего не стоило. На кустарнике и на траве тянулся заметный липкий темный след, уводящий в чащу.

- Может сделать петлю и сесть в засаде. – шепнул впереди идущий Никита. – Смотреть в оба.

Мы удалялись от деревни. Хотелось есть и выспаться как следует.

- След к озеру уводит. – шепнул я.

- Боишься, что русалка вынырнет и покажет нам свои прелести? – хохотнул Никита. – А, Яр? Или ты, наоборот гредишь ей?

Я фыркнул:

- Туда нам опасно идти, сам знаешь.

- Я не боюсь голую бабу, ползающую на брюхе по лесу.

- Посмотрим, как ты запоешь, когда встретишь ее. – отозвался Ахтим.

- Уж я-то знаю, как с женщинами обращаться. – снова усмехнулся Никита. Видимо удачный выстрел поднял ему настроение. – Надеюсь в ее чешуе найдется пара нужных отверстий. Что, Яр, скривился? Ревнуешь?

- Болтай поменьше, накличешь беду.

- А может и правда к озеру заодно сходим? И волколака и эту хвостатую словим?

- Ты волколака выследи сначала. – бросил Ахтим. – Упустим его – так и повадится в деревню ходить.

Сначала след пересекал сосновый бор. Ноги мягко пружинили от хвои и наших шагов почти не было слышно. Но затем лес загустел, появился частый подлесок, и приходилось прорываться через заросли. В этих местах я никогда не был. Да и вряд ли кто-то из моих спутников уходил так далеко.

Мы пересекли подряд несколько овражков, заросших орешником, на дне которых среди поросших изумрудной травой кочек хлюпала вода и вошли под кроны старых, больших деревьев. Таких высоких, что их крону невозможно было рассмотреть и определить вид дерева.

- Это листваки. – шепнул Ахтим. – Мне папа говорил про них. Очень старый участок леса.

Задрав голову, я пытался прикинуть их высоту:

- Наверное метров по пятьдесят... Листваки... Дальше идти думаю не стоит. К озеру так можем выйти.

- Далече еще до него.

- Все равно опасно уходить в эту сторону.

Идущий впереди Никита резко остановился. Поднял правую руку.

Мы не сговариваясь подняли ружья. Я прикрывал их со спины, а они смотрели вперед и по сторонам.

- Слышите?

Я услышал. Громкое булькающее сопение.

«Туда». — одним взглядом указал Никита на заросли бузины и малины.

Волколак лежал в самом центре кустарника, захлёбываясь собственной кровью. Из раны на груди натекала целая лужа.

Огромный серый волк, только лапы по строению напоминали конечности, а морда - человеческое лицо с пастью... Он был тощ. Впалые бока обтягивали кожей торчащие ребра.

Увидев нас, он не пошевелился, явно смиряясь со своей судьбой. Только беззвучно оскалился, показав уже бледные десны.

Никита поднял ружье. Но Ахтим остановил его:

- Дай я.

Я отвернулся и не стал смотреть, как его добивают. Грохнул выстрел.

Никита и Ахтим громко радовались добыче.

- Отрежем голову! Как доказательство!! Вот отец загордится...

- Отомстили за Настасью...

Я вырвался из кустарника, чувствуя, что меня начинало мутить. Запах крови и вид волколака, да и, наверное, все ночные переживания дали о себе знать.

Я вернулся на несколько шагов назад, где мы перешли небольшой в полметра шириной ручеек, бегущий в овражке. Опустившись на колени, зачерпнул воды и умылся. Ледяная вода мгновенно освежала, приводя в чувство. Я помыл шею, намочил волосы и провел мокрыми руками под рубахой, будто стараясь смыть с себя весь запах дохлого козла и крови.

Сперва я увидел руки, плотно обхватывающие ствол дерева на высоте человеческого роста, стоящего на другом берегу ручья. Я уставился на длинные грязные поломанные ногти, еще не осознавая кому они принадлежат. Бледная, почти прозрачная серая кожа, пронизанная синими веточками вен.

Я медленно потянулся к ружью.

А потом замер, осознавая свою ошибку. Она все это время была где-то рядом! Все эти тени и светящиеся глаза не плод моего воображения! Но она не нападала. Почему?

Я собрал остатки смелости и тихо произнес:

- Не бойся. Мы не тронем тебя. Мы искали волколака, который убил девушку.

Не успел я договорить, как она захихикала из-за ствола дерева так, что мои волосы на затылке встали дыбом.

- Тебя же Яр зовут?

Ее голос был немного певуч и тонок. Совсем не такой звучный как у деревенских девочек.

- Да. — сглотнул я, не спуская глаз с рук.

- Что это за штука у тебя на шее, Яр? — спросил она, все так же не двигаясь. — Кто тебе ее дал?

Я сжал в кулаке оберег. Все вокруг вдруг поплыло.

- Сними ее. — промурлыкала русалка.

Нужно было бежать. Анька! Мама! Я должен вернуться к ним.

Я попятился.

И тут она выглянула из-за дерева! Я увидел лишь часть ее лица. Точнее один пронзительно-голубой глаз и тонкие губы, сложенные в жутенькую улыбку.

Схватив ружье, я не задумываясь бросился вверх по склону. Взлетев на него, я резко развернулся, вскинув ружье. Но ни погони, ни русалки на прежнем месте уже не было.

Не опуская оружия, я все также пятясь и натываясь на кусты, направился к ребятам. Руки тряслись так, что даже если бы русалка напала, шанс что я сумел бы попасть в нее равнялся нулю.

На плечо мне упала чья-то ладонь. Вскрикнув, я обернулся.

- Эй, полегче. – проворчал Никита, отодвигая от себя ствол моего ружья. – Ты чего бледный какой? Блевал чтоль?

- Нежный какой! – хохотнул Ахтим, мотая у меня перед носом холщовую сумку, из которой сочилась кровь. – Голова тут. Идем домой.

Я что-то промышчал и двинулся за ними. Дорога назад была скорой, но я шел сам не свой, постоянно озираясь и вздрагивая от каждого шороха. Все сказки и байки разом стали явью. Я словно оказался в страшных рассказах Михалыча. Теперь это была уже не далекая и призрачная угроза и старое проклятие, а явь.

Я чувствовал ее присутствие. Она шла за нами невидимой тенью, скрываясь над головами в листве или скользила в высокой траве. Упавшая веточка, скрип осоки в овражке, внезапно налетевший запах тины среди сухого ельника – все указывало на ее присутствие.

Мои спутники, однако, ничего не замечали, громко и весело болтая на весь лес. Я же едва шел, молясь всевозможным богам, чтобы мы дошли до деревни. Ноги болели от непривычки, живот крутило и уже дико хотелось есть.

Ноги моей больше в лесу не будет никогда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.